

НАША СТРАНА

Год издания—50-й. Буэнос Айрес, суббота 27 сентября 1997 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 27 de setiembre 1997 № 2459-2460

НИЛ НИКАНДРОВ

ИВАН СОЛОНЕВИЧ ВОЗВРАЩАЕТСЯ С ЧУЖБИНЫ...

В Монтевидео на Английском кладбище есть могила, которая не может не привлечь внимание случайного посетителя. На белом камне надгробья крупными латинскими буквами выбито:

Ivan Lukjanovitsch Solonevitch
14-11-1891 * 24-4-1953

И под православным крестом как эпитафия, как итог, как констатация главного в жизни этого человека — по-русски:

„Идеологу народной монархии в будущей России и борцу против коммунизма. — Единomyшленники.“

К могиле приходят нечасто, может быть, потому, что постоянная русская колония в Уругвае невелика, а командированный из России люд просто не знает о ее существовании. Иногда навесит Солоневича и помолиться за него приходит священник о. Владимир, приезжающий из Буэнос Айреса для проведения службы в местной православной церкви. Но одиночество и заброшенность этой могилы обманчива: Иван Лукьянович Солоневич не забыт, его книги в сегодняшней России нарасхват, а содержание многих статей, написанных полвека назад, настолько злободневно, что не всякий редактор не всякого российского издания решится воспроизвести их. Опора на здравый смысл, отрицание утопий коммунистического и всяких других образцов, приверженность эволюционному (естественному) формам развития общества и отрицание какого-либо революционного (сейчас, наверное, можно сказать „шокового“) насилия, — лежат в основе философских и социальных теорий Солоневича. Для него было очевидно, что безжалостные реформаторские эксперименты (эпоха Петра Первого, Февральская и Октябрьская революции) имели катастрофические последствия для судьбы России, **исказили** единственно возможный, по мнению Солоневича, путь ее исторического развития — самодержавие, „типично русскую форму монархии“, способа управления страной. По глубокому убеждению писателя, монархия — это не тоталитарный режим, не абсолютизм, это — симфония совместной работы Церкви, царя и народа.

Солоневича можно назвать народным писателем. Его произведения не претендуют на наукообразность, не ошеломляют заемной терминологией, не жонглируют цитатами и ссылками на „авторитеты“. Нет, его сочинения доступны широкому кругу читателей, просты по аргументации и полны того внутреннего горения, полемического задора и остроты, которые задевают, привлекают внимание и уже не отпускают вас до последней авторской строки.

Труды Ивана Солоневича в нынешней России издаются все чаще, но „периферийно“, малыми тиражами, выборочно. В популярную обойму входят иные, с европейским от-

Слегка сокращенная версия очерка, опубликованного в московском журнале „Латинская Америка“, № 2, 1997.

блеском, имена. А Солоневич, мол, слишком сосредоточен на России, нет размаха, да и контрастирует он с переживаемым историческим моментом... Поэтому так трудно Солоневичу „возвращаться“ на родину с чужбины.

Жаркий июль 1990 года, „Академкнига“ на Тверской (тогда еще улице Горького), у букинистического отдела нерешительно переминался пожилой человек, только что выслушавший категорическое „нет“ от не слишком любезной оценщицы. Я взял из его рук листочки с перечнем книг — мексиканская, аргентинская, венесуэльская, боливийская мемуаристика 40-60-х годов. За книги он просил умеренную цену, и мы ударили по рукам. Так я познакомился с Юрием Антоновичем Марковым.

Потом я несколько раз приезжал к нему домой и по частям забирал покупки. Визиты мои сопровождались обязательными чаепитиями и застольными беседами, которые затем — с согласия хозяина — переносили в интервью. Несколько блокнотов записей о „латиноамериканских делах“ со времен Коминтерна до первых лет правления Л. И. Брежнев! Хотя Марков никогда не занимал крупных руководящих постов, он был свидетелем многих событий, работая секретарем Особого отдела Коминтерна, затем — в различных отделах ГУГБ НКВД, а в 50-70-е годы — на технической должности в Секретариате ЦК КПСС.

Не знаю, было ли это везением или знаком судьбы, но, приобретая „с рук“ редкие книги о Латинской Америке, я познакомился с человеком, располагавшим некоторыми очень любопытными материалами о жизни Ивана Солоневича! Марков заинтересовался личностью Солоневича после того, как в архиве ЦК наткнулся на датированную 1950-м годом справку советского посольства в Аргентине о деятельности русской эмигрантской колонии. Автор ее, не затрудняя себя изысканностью формулировок, лихо разделял „под орех“ представителей эмиграции, поглядывая на них с зияющих высот своей идеологической зрелости. Досталось от него и Ивану Лукьяновичу: „Среди лидеров колонии отдельные лица играли до войны видную роль. Достаточно упомянуть о таких ее „вождях“ как Вербицкий или Солоневич. Последний в августе с. г. за выступления против перонистского правительства был выслан из Аргентины и в настоящее время находится в Уругвае, откуда руководит своей газетой „Наша Страна“. Он монархист, полусумасшедший, называет себя теоретиком старого русского течения, пишет бредовые статьи, фантазирует, его статьи пронизаны антисоветизмом“.

К справке были приложены аккуратно перепечатанные на пишущей машинке цитаты из статей Солоневича, которые, наверное, должны были подтвердить неизлечимость его „сумасшествия“.

„Миллионы русских душ борются в СССР, отстаивая бытие свое против страшной тьмы и кровавой грязи, которыми большевизм пытается закрыть и замаскировать свет и солнце русской жизни. Миллионы и миллионы русских мужчин и женщин по-

гибли в этой борьбе мучительно и страшно.“

Мне страшно думать о судьбах миллионов, медленно и заживо сгнивающих в концентрационных лагерях.

Мне страшно думать о том лжепатриотическом словоблудии, которое яркими лозунгами прикрывает самое страшное, что было в нашей истории: попытки убить и тело и душу нашего народа...“

„Я помнил о „деле Солоневича“, вернее — Солоневичей, — рассказал мне Марков. — Их побег за границу в 30-е годы наделал много шума в НКВД. Кого-то разжаловали, кого-то отправили в сибирскую глухомань... Но, конечно, о Солоневичах — Иване, Борисе и Юрии — на Лубянке не забыли. Работая в ЦК, я собирал материалы для брошюры о практике идеологических диверсий против СССР. Вот и решил включить главку о Солоневиче и его приятелях-монархистах в свой труд...“

Однако собранные „по листочку“ в различных архивах документы, меморандумы, справки и вырезки из эмигрантских газет Маркову негодились. Имя Солоневича подвергалось советской цензурой такой глупой блокаде, что вымарывалось даже из „разоблачительных, идеологически взвешенных“ монографий и статей. Мол, нечего создавать этому махровому националисту и антисоветчику пусть косвенную, но рекламу!

Тема Солоневича и его роли в Русском Зарубежье не раз затрагивалась в моих беседах-интервью с Юрием Антоновичем, спешившим выговориться в странном предчувствии грядущих перемен, которые он не в силах будет перенести... И вот, пролежав втуне три добрых десятка лет, папка с материалами Маркова о Солоневиче перекочевала ко мне. А более полное знание о личности, судьбе и идеях Ивана Солоневича я получил благодаря искренней и бескорыстной помощи редакции газеты „Наша Страна“, которая устояла, продолжила дело своего основателя. Несмотря на постоянные финансовые трудности, эта газета размером в четвертушку от солидных „сытых“ изданий, из экономии и по традиции печатаемая на папиросной бумаге (так было легче забрасывать ее в бывший Советский Союз), не только сумела выжить, но словно приобрела в последние годы второе дыхание. Ни на йоту не изменяя своего идейного курса, который сконцентрирован в лозунге „После падения большевизма только царь спасет Россию от нового партийного рабства“, газета приобретает все более массовую аудиторию читателей в России, о чем так мечтал Иван Солоневич.

Дружную команду постоянных и нештатных авторов, приносящих и присылающих свои статьи в небольшую уютную редакцию на улице Монроэ 3578 в Буэнос Айресе, возглавляет Михаил Владимирович Киреев, на плечах которого держится вся технико-издательская часть, и Николай Леонидович Казанцев, ответственный за литературно-публицистическую сторону газеты, один из ведущих аргентинских журналистов, автор прогремев-

шей на всю страну книги о Мальвинской войне.

Без их поддержки было бы невозможно выстроить цельное повествование о человеке, который не только бросил вызов сталинской машине уничтожения, но и отважился задавать себе мучительные вопросы: А что потом? Что после Гениальнейшего? Каким путем должна пойти многострадальная Россия? На какой духовно-идейной основе? Кто возглавит ее возрождение?

Трудные вопросы. Полемика продолжается и сейчас. Аргументы идут в ход самые разные, даже танковые. Для себя Иван Солоневич решил эти вопросы раз и навсегда: „Русская монархия есть морально и технически наиболее совершенный в истории способ управления государством...“ Солоневич отстаивал свои взгляды до последнего вздоха, устоял против „воздействий“ на него бомбой и клеветой, выдюжил, не напрасно его любимым былинным героем был Микула Селянинович, здравомыслящий мужик, обладающий и крепким характером и неодолимой силой, каковой, кстати, было не занимать и Ивану Лукьяновичу, имя которого не раз упоминалось в дореволюционной спортивной хронике. Говорят, и с борцом Поддубным тягался на равных...

Родом Иван Солоневич был из небольшой деревни Гродненской губернии. Его отец был сельским учителем, а кроме того еще писал заметки в губернские газеты. Корреспондентская деятельность Солоневича-отца была замечена самим П. А. Столыпиным, тогда — губернатором Гродно, и он помог народному учителю перебраться в город и основать там „Белорусское общество“ и газету „Белорусская Жизнь“, чтобы противостоять ополячиванию и окатоличиванию белоруссов. В издательской деятельности Лукьяну Михайловичу помогли сыновья — Иван, Всеволод и Борис. Годы революции и Гражданской войны разметали семью по всей стране. Всеволод погиб в 1920 году в армии Врангеля, а Иван и Борис встретились только в 1925 году в Москве. Первый служил тогда инспектором физкультуры ВЦСПС, а второй — инспектором физической подготовки Военно-Морских сил СССР. Казалось бы, все благополучно, можно строить карьеру, процветать. Но братья „не вписывались“ в эпоху. А тут еще — коллективизация, борьба с „чуждыми элементами“, „трудовое перевоспитание“ и идейная консолидация советского общества на основе марксистско-ленинского начетничества и дисциплинирующего кулака ВЧК-ОГПУ-НКВД. Первым в шестерни „консолидации“ попал Борис за причастность к деятельности скаутских отрядов. Когда он вернулся из недолгой ссылки на Соловки, а потом и в Сибирь, братьям стало ясно — теперь их в покое не оставят и рано или поздно отправят на заключение в сибирские лагеря. В предисловии к посмертному изданию романа Ивана Солоневича „Две силы“ так описываются последующие шаги братьев: „Предварительная разведка показала, что только побег в Манчжурию или Финлян-

дию дает гарантию не быть выданными Советам. Решено было бежать через Карелию в Финляндию ... Первая попытка побега состоялась в 1932 году. Но братья не знали, что в Карелии есть магнитные аномалии и компасы там врут, как нанятые. Группа заблудилась, Иван заболел, и пришлось вернуться. ГПУ, между тем, что-то заподозрило, и при следующей попытке побега в 1933 году все были арестованы на пути к Мурманску".

Суд был недолог и суров, даже 18-летний сын Ивана — Юрий получил 3 года. Но всем невероятно повезло: вместо отправки за Урал их эшелон проследовал в Карелию, где можно было попытаться счастья еще раз...

В июле 1934 года — новая попытка. Маршрут пролегал от станции Кивач Мурманской железной дороги в направлении села Койкири на реке Суне, откуда до границы было рукой подать. Атлетически сложенные, тренированные мужчины шли с предельным напряжением сил, зная наверняка, что теперь других вариантов побега не будет: смерть шла по пятам! Иван с сыном прошли этот роковой путь за шестнадцать дней, Борис — за двадцать.

„Управление лагерей и трудопоселений НКВД“

Особоуполномоченный НКВД
тов. Фельдман
Копия: Зам. нач. ИНО ГУГБ т.
Берману

В начале октября 1934 года нами из ИНО ГУГБ было получено сообщение, что в белоэмигрантской газете „Последние Новости“ напечатана информация о бегстве за границу из Беломорско-Балтийского лагеря НКВД заключенных Солоневича Ивана Лукьяновича и Солоневича Юрия Ивановича (отца и сына) и из Свирских лагерей НКВД заключенного Солоневича Бориса Лукьяновича (брата первого).

Произведенной проверкой установлено, что заключенные Солоневич И. Л. (осужденный 28-11-33 года по ст. 58/6, 10 и 59/10 УК на 8 лет) и Солоневича Ю.И. (осужденный тогда же по ст. 58/10 и 59/10 УК на 3 года) отбывали меру социальной защиты в Белбалтлаге и, работая, первый в качестве инструктора физкультуры Культурно-Воспитательного отдела ББЛ, а второй — слушателя курсов дорожного строительства, 17 июля с. г. подали на имя зам. начальника Управления ББЛага НКВД т. Радецкого, ныне работающего в Управлении Пожарной охраны НКВД, рапорт о разрешении им командировки в гор. Кемь для подготовки и проведения спортивных соревнований.

Тов. Радецкий эту командировку разрешил, не поставив об этом в известность аппарат 3-го отдела ББЛага, который вследствие этого не мог обеспечить Солоневичей должным наблюдением на время их командировки.

Солоневичи под видом проведения указанной работы 27 июля с. г. совершили побег и ушли за кордон.

Для сведения ИНО ГУГБ сообщаем, что данные о бегстве из Свирских лагерей НКВД заключенного Солоневича Б. Л. также подтвердились. Солоневич Б. Л. (осужденный по ст. 58/6, 10 УК на 8 лет) также в конце июля с. г. несмотря на возражения 3-го отдела, был послан администрацией лагерного пункта в командировку, откуда и совершил побег за кордон.

Нами дано распоряжение о привлечении к судебной ответственности всех виновных в допущении побега и несвоевременном объявлении розыска Солоневичей за исключением т. Радецкого, ныне работающего в Главном Управлении Пожарной охраны НКВД.

Начальник ГУЛАГ
и Трудопоселений НКВД
Фельдман.

Пока карающий механизм НКВД набирал обороты — переписка, соглашения, организация слежки и так далее, — Солоневичи осваивались в Гельсингфорсе (Хельсинки), оперяясь, присматриваясь к русской эмиграции и ее жизни. Общее впечатление было далеко не восторженным: апатия, внутренние склоки, ощущение тупика и безысходности. Перебраться из Финляндии куда-нибудь поближе к центру антибольшевицкой борьбы оказалось нелегко: западноевропейские страны давали визы подобным беглецам весьма неохотно, не желая раздражать Москву. А ведь Солоневичи не собирались сидеть сложа руки, они намеревались рассказать всю правду о своем советском опыте, приободрить эмиграцию, объединить ее на качественно новых началах...

Чтобы пережить зиму 1934-1935 годов братья устроились в порт грузчиками. Иван Солоневич вспоминал: „Эмигрантская колония в Гельсингфорсе снабдила нас кое-каким европейским одеянием, но оно было узко и коротко; наши конечности безнадежно вылезали из рукавов и прочего и общий наш вид напоминал ближе всего огородные чучела. Да еще все трое в очках. Среди финских грузчиков наше появление вызвало недоуменную сенсацию... Работать в порту и одновременно писать книгу было, конечно, очень трудно. Но вот, наконец, в парижской газете появился первый очерк моей книги: порт можно было бросить“.

Книга Ивана Солоневича „Россия в концлагере“ была первой серьезной попыткой очевидца рассказать об империи сталинских лагерей. Свидетельства человека, познавшего зекский ад изнутри, грозили стать обвинительным документом страшной силы. По сведениям Ю. А. Маркова, первое издание книги читали в партийных верхах и не скрывали своего раздражения.

Однако никакого конкретного распоряжения в отношении автора „Россия в концлагере“ не дали: „Пускай НКВД пока решает главные задачи — по Троцкому и головке РОВСа, а то и там все провалится! Тем не менее, НКВД братьев Солоневичей из виду не терял и готовил контрмеры и без распоряжений из Кремля: вопрос престижа, так сказать, неизбежности возмездия.

На первых порах эмигрантской жизни наибольшую активность проявлял Борис. Его усилия связались с РОВСом вроде бы увенчались успехом: некий В. В. Бастамов, состоявший прежде в кутеповской организации, запрещенной позднее финскими властями, отрекомендовался представителем генерала Е. Миллера и попытался получить для РОВСа максимум полезной информации, не предлагая ничего взамен. Бастамов был в свое время невольным „участником“ первого чекистского „Треста“ и весьма подозрительно относился ко всем, кто прибывал из-за „чертополоха“, то есть из СССР. Проявляя внешне лояльность к Солоневичам, Бастамов, однако, проверял каждое их слово, каждое знакомство в Гельсингфорсе и каждую строку из подготовленных для РОВСа материалов. Своими наблюдениями он делился... с генералом Скоблиным, входившим в штаб „внутренней линии“ (разведка и контрразведка) РОВСа. А Скоблин, как стало потом известно, являлся также и „№ 13“ агентурной сети НКВД и, конечно, старательно информировал Лубянку как обо всех мероприятиях РОВСа, так и о деятельности Солоневичей.

Первый этап компрометации братьев был разработан в НКВД уже в конце 1934 года при непосредственном участии заместителя начальника ИНС Михаила Бермана. Исполнение задуманного плана поручили Управлению НКВД по Ленинградской области: через какого-либо двурушника в Гельсингфорсе,

работающего и на „красных“ и на „белых“, пустить слух о том, что Солоневичи — чекисты и затевают новый „Трест“, а антисоветская деятельность им необходима для создания авторитета, и вообще, Гельсингфорс для них лишь промежуточный этап, главное — попасть в Париж! Как бы невзначай сотрудник НКВД, контактирующий с двурушником, должен был посоветовать на плохую организацию „многочисленного“ Солоневичей: трудно поверить в фантастическое везение — бежали из разных лагерей и в одно и то же время, это во-первых; во-вторых, Борис был спортсменом „Динамо“, то есть фактически — служащим НКВД; в-третьих, их семьи в СССР не репрессированы, хотя, впрочем „для прикрытия“ это можно будет сделать, фиктивно, конечно...

Так по Гельсингфорсу поползли слухи о „двойничестве“ братьев Солоневичей, необходимости „держать от них дистанцию“ и тем более не посвящать в активную работу РОВСа.

В феврале 1935 года Борис получил весточку из далекой Софии от бывшего однокашника по 2-ой Вильненской гимназии Клавдия Александровича Фосса, который, как выяснилось, тоже имел отношение к РОВСу и возглавлял болгарский филиал его „внутренней линии“. Фосс узнал о Солоневичах из эмигрантских газет и решил пригласить их на жительство в Софию, правда, не без задней мысли: братья помогут 3-му болгарскому отделу РОВСа надежными адресами для явок в Совдепии, порекомендуют своих людей в нелегальные ячейки Союза...

Поскольку другие страны визы Солоневичам так и не дали, хотя в Париже о визах хлопотали Маклаков и Гучков, а в Германии — антикоммунистическая Лига Обера и берлинский филиал РОВСа, оставался только болгарский вариант...

Солоневичи прибыли в Софию в начале мая 1936 года. На вокзале их встретил Николай Абрамов — сын руководителя РОВСа в стране. 9 мая братьев принял сам генерал Ф. Ф. Абрамов. Он посоветовал им устроиться в стране надолго, завоевать доверие болгарского руководства, для чего, например, прочитать для Военного Министерства доклады о состоянии и боеспособности Красной Армии, в полиции выступить с сообщением о жизни в Советском Союзе разоблачительного характера и так далее в таком же роде. Проводить публичные выступления генерал не советовал: непременно последуют протесты и прочие пакости со стороны советского полпреда Ф. Ф. Раскольникова, начнутся разборательства, вмешательство болгар в дела РОВСа. Этого надо всемерно избегать.

Солоневичи познакомились и первое время тесно общались с будущим закулисным организатором „охоты“ на них — бывшим белым офицером, а ныне — заместителем начальника столичной полиции А. А. Браунером.

В 1936 году сбылась заветная мечта Ивана Солоневича: он стал издавать свою газету. В этом ему помог старый товарищ по учебе на юридическом факультете Петербургского университета Калинин.

„По приезде в Софию, — вспоминал Калинин, — Иван сразу же пришел ко мне и попросил порекомендовать ему типографию, в которой он мог бы печатать газету. Я познакомил его с В. Левашевым, который в то время был метранпажем в болгарской типографии „Рахвира“. Они в десять минут договорились о технической постановке дела. В то время было невозможно получить разрешение на издание новой русской газеты, но выход был найден: уже существовавшее русское издание „Голос Труда“ — орган Трудового Союза — передало свои права Солоневичу. Он дал газете другое название — „Голос России“ и с жаром взялся за дело. Газета начала выходить тиражом в 2000 экземпля-

ров, но через 3-4 месяца тираж стал достигать 10-12 тысяч“.

Успех „Голоса России“ превзошел все ожидания. Газета обращалась к эмигрантским массам, говорила на понятном языке, не скрывала правды, какой бы горькой она не была, не гнула шею перед признанными вождями эмиграции. „Послание“ газеты к читателям, к служилой прослойке (штабс-капитанам, по терминологии Солоневича), было оптимистичным: надо идейно и профессионально готовиться к возвращению в Россию, наши головы и руки нужны ей, мы не останемся на удел. Но газета предупреждала: прежние господа-хозяева страны не должны рассчитывать на реванш, на возвращение земель, имений и банков, восстановления социального неравенства. Только заправилы большевицкого режима будут наказаны, а все остальные — наш народ, такие же люди, как и мы сами...

Примирительная проповедь Солоневича не всем была по нраву. Хотелось реванша. Но он до последних дней своей жизни доказывал неприемлемость этого:

„Новое поколение России — закаленное, упорное, жизнеспособное, молодое, ни при каких обстоятельствах не позволит „пузырям потонувшего мира“ командовать собою...“

С этим поколением эмиграция обязана считаться, как с решающим фактором в жизни России.

Нская Россия будет новой Россией с новой промышленностью, новым крестьянством, новым пролетариатом, новым правящим слоем и с новыми методами управления.

Россия будет страной чудовищной силы и великой, еще невиданной в истории мира, человечности“.

Наверное, для Солоневичей это было счастливым временем. Дела ладилась, в том числе и материальные, о них говорили по всему Русскому Зарубежью, в их слова вчитывались внимательно и эмиграция, и „ответработники“ в московских кабинетах. Иван Солоневич после пятилетней разлуки встретился, наконец, со своей женой Тamarой, которая выехала из России легально, заключив фиктивный брак с немцем — профсоюзным работником. Побега через границу она бы не выдержала физически.

В этом гармоничном союзе труда, успеха, любви Солоневичи предположить не могли, что с первого дня пребывания в Болгарии они находились под плотным надзором не только РОВСа, но и Лубянки. Братьев неназойливо „опекал“ активист РОВСа Николай Абрамов. И он же конспиративно встречался с В. Т. Яковлевым, работником Советского консульства. Сведения в НКВД поступали в изобилии: корреспонденцию Солоневичей перлюстрировали и в „черном кабинете“ на центральной почте (по заказу Браунера), и в секретариате РОВСа, который братья тоже использовали для получения писем. Так что „интересы“ РОВСа и НКВД тесно переплетались.

Не утихали и „гельсингфорские слухи“. Генерал С. Добровольский, начальник РОВСа в Финляндии, настойчиво напоминал и в Париж, и в Софию, что братьям доверять не следует, что они могут быть „новыми оперпугами“ из „нового „Треста“, что очевидно уже потому, „как ловко они стравливают одну часть белой эмиграции с другой“. Еще более весомым аргументом в пользу этой точки зрения стали „обнаруженные“ Николаем Абрамовым (!) „наколки“ в советских журналах, пересылавшихся Ивану Солоневичу из Гельсингфорса. Расшифровать их труда не представляло. Все сходится — братья работают на НКВД! А если и этого мало, то разве Борис Солоневич не встречался со „связником“ чекистов? Эта встреча была зафиксирована офицерами, которые по заданию РОВСа вели наблюдение за ним. Вот фотографии! И

вроде бы Борис что-то передает "связнику", который потом спокойно вернулся в советское полпредство.

Построенные Лубянской "неопровержимые доказательства" произвели нужное впечатление на генерала Абрамова, и на капитана Фосса, для которого задача устранения Солоневичей стала вопросом чести, ведь это он способствовал их приезде в Болгарию.

В начале октября 1936 года двое боевиков РОВСа отправились к вилле "Спокойствие", расположенной в дачной местности Овча Купель, в пяти километрах от Софии. Там жили Солоневичи; снимая второй этаж дома. Боевики не знали, что накануне в этом пригороде случился вооруженный грабеж, во время которого погиб случайный прохожий и был ранен полицейский. Поэтому патрульные из уголовной полиции были особенно внимательны и задержали боевиков. При обыске обнаружили револьверы и удостоверения, подписанные Браунером, в которых подтверждалось, что задержанные лица — негласные сотрудники полиции.

Генерал Абрамов был в ярости, когда узнал о провале:

"Если не можете организовать дело как следует, то сидите тихо, как зайцы, иначе работа РОВСа в Болгарии полетит ко всем чертям!"

Но у Браунера и Фосса планы места в отношении Солоневичей возникали постоянно, один чудовищнее другого. Так, они разрабатывали план похищения и сожжения братьев в топке подвала Управления полиции, той самой, через которую было "пропущено" несколько болгарских коммунистов в дни Сентябрьского переворота...

Но приказ есть приказ, и "внутренняя линия" РОВСа ограничилась пассивным наблюдением за Борисом Солоневичем, которого считали своего рода "комиссаром" шпигонского гнезда. А вот НКВД, судя по рассказам Маркова, к началу 1937 года все свое внимание сосредоточило на Иване, антибольшевистская и антисталинская деятельность которого достигла своего апогея. Книга "Россия в концлагере" переведена на 17 языков, готовились японское и китайское издания! Газета "Голос России" не отказываясь от полемики с "пузырями потонувшего мира" и "просоветской частью" эмиграции, призывала к консолидации здоровых сил, поиску объединяющей всех идеи. Сводки о Солоневиче все чаще попадали на стол начальника ИНО НКВД комиссара госбезопасности 2-го ранга Абрама Слуцкого и его заместителя Михаила Шпигельглаза. На одной из таких сводок Шпигельглаз в январе 1937 года и наложил резолюцию: "Не пора ли обезвредить?"

Как считает Ю. Марков, именно с этого полувопроса-полуприказа и началась проработка покушения на Ивана Солоневича. Изготовление адской машины было поручено украинским специалистам, поскольку в Киеве находилась лаборатория НКВД, занимавшаяся экспериментами с взрывчатыми веществами. Вся процедура подготовки бомбы, переправки ее в Софию и поиска "исполнителя" заняла почти целый год.

Взрыв в квартире редакции "Голоса России", которая к этому трагическому моменту находилась по адресу улица Иван Асен II дом 38, прозвучал 3 февраля 1938 года сразу же после 10 часов утра. Открывавший "пакет с книгами" секретарь Солоневича студент Н. Михайлов погиб мгновенно, буквально разорванный на куски. Тамара Солоневич, находившаяся рядом, была смертельно ранена и скончалась по дороге в больницу. Иван Солоневич и Юрий находились во время взрыва в соседней комнате и не пострадали. Как написала болгарская газета "Утро", "судьба захотела спасти жизнь Ивана Солоневича". В этой же газете появилось сообщение о том, что для определения вида взрывчатого ве-

щества была создана специальная комиссия, которой передали куски бумаги, картона и целлулоида, найденных в телах погибших. На обрывках оберточной бумаги было обнаружено несколько болгарских слов, из чего можно сделать заключение, что упаковка адской машины произошла в Софии.

Молодого человека в коричневом пальто и мягкой шляпе, говорившего по-болгарски с еле заметным русским акцентом, того, что принес бомбу и вручил ее прислуге Солоневичей, так никогда и не нашли. "Приватно" болгарская полиция утверждала, что взрывное устройство послано из советского полпредства, но доказательства этого представить так и не смогла.

После покушения Иван Лукьянович оказался словно в вакууме. Ему и сыну (Борис к этому времени уже перебрался в Бельгию) выражали соболезнования, с жаром высказывали сочувственные слова, но соблюдали дистанцию, как будто общение с ним грозило новыми взрывами, кровью и увечьями. Вновь помог Калинин, увидевший, что после "атентата" Солоневичи остались буквально под открытым небом: квартира их была совершенно разрушена и никто не осмеливался дать им приют, опасаясь нового покушения. Калинин пригласил их к себе, и вплоть до отъезда в Германию они жили у него. Покидая Софию, Иван Солоневич оставил газету на надежного и преданного В. Левашева.

Солоневич в силу своих возможностей пытался воздействовать на "германцев", утверждая, что их агрессивные планы в отношении России потерпят крах. Вот как вспоминает об этом Юрий Солоневич:

"В 38-м году, когда мы туда (в Германию, — Н. Н.) попали, батька написал меморандум Гитлеру — 36 страниц, в котором он предсказал будущее до такой степени точно, что жутко становится. В нем он сказал: много было таких, которые пытались Россию завоевать — ничего у них не вышло. И не вышло потому, что они совершали всегда одну и ту же ошибку: они были против русского народа. Если бы они поставили себя на сторону русского народа, то и тогда было бы трудно, но хотя бы был шанс. А воевать против русского народа это значит, что вы будете идти до Владивостока и на пути каждый куст будет стрелять. И на каждом мосту придется оставлять часовых. А конец будет — наполеоновский."

"Мы даже не знаем толком, читал ли его (меморандум, — Н. Н.) Гитлер или нет. Однако, Гимлер, например, понимал, что немцев просто не хватит, чтобы завоевать всю Россию. Батька считал, что если уж ничего в немецкой политике изменить невозможно, то нужно хотя бы постараться розенберговскую линию как-то подавить. Поэтому он старался немцам объяснить, что антирусское направление приведет к поражению".

Призывы Солоневича к благодарности никакого воздействия на гитлеровское руководство не оказали. Философия расового превосходства, культ арийца-сверхчеловека овладели умами подавляющей части населения Рейха.

"В медовые месяцы моего пребывания в Германии, — вспоминал сам Иван Солоневич, — перед самой войной и в несколько менее медовые — перед самой советско-германской войной, мне приходилось вести очень свирепые дискуссии с германскими экспертами по русским делам. Оглядываясь на эти дискуссии теперь, я должен сказать честно: я делал все, что мог. И меня были как хотели — цитатами, статистикой, литературой и философией. И один из очередных профессоров в конце спора иронически развел руками и сказал:

— Мы, следовательно стоим перед дилеммой: или поверить всей

русской литературе — и художественной и политической, или поверить герру Солоневичу. Позвольте все-таки предположить, что вся эта русская литература не наполнена одним только вздором.

Я сказал: — Ну, что ж — подождем конца войны. И профессор сказал: — Конечно, подождем конца войны. — Мы подождали".

"Национальная строптивость" Солоневича, немислимая в Третьем Рейхе, его вызывающие прогнозы привели к запрету его сочинений и ссылке в небольшой померанский городок под надзор гестапо "за пораженческие настроения".

До 1947 года — полное молчание писателя, борьба за выживание, лагеря перемещенных лиц, попытки вырваться из разрушенной войной Европы-Питекантропии, так называл ее Солоневич, — в Соединенные Штаты или Южную Америку. Единственное его богатство в эти тяжкие годы — рукописи, больше четырех тысяч страниц, посвященные анализу советской и нацистской тоталитарных систем, а также многочисленные наброски главного капитального труда, получившего впоследствии название "Народная монархия" (в рабочем варианте — "Белая Империя").

После продолжительных, а временами унизительных, хлопот Ивану Солоневичу удалось получить визы в Аргентину на всю семью: вторую свою жену немку Рут, сына Юрия и его супругу. Две недели штормовой Атлантики и вот — пшенично-мясная столица мира — Буэнос-Айрес. Поскитавшись немного по случайным адресам, Солоневичи обосновались в конце концов в сорока километрах от столицы в местечке Дель Висо. "Они занимали трехкомнатный домик, окруженный большим и очень красивым садом-парком, — писала в своих воспоминаниях Татьяна Дубровская, издательница "Нашей Страны", новой газеты И. Солоневича. — Вокруг этого оазиса простиралась огромная, бескрайняя, ровная пампа. В те времена от железнодорожной станции надо было идти пешком под палящим солнцем минут двадцать до этого дома. И вот, чуть откроешь калитку солоневичского "имения", то сразу же чувствуешь прохладу, запах эвкалиптов... и оживаешь".

Этот огромный сад и превратился в "творческую лабораторию" Солоневича. Он как бы "выхаживал" свои статьи, прогуливаясь по дорожкам, и в эти минуты творческого уединения домочадцы старались ему не мешать. Потом он садился за пишущую машинку и "выстреливал" свой очередной публицистический шедевр, как всегда острый, нелицеприятный, не оставляющий читателя равнодушным. Иногда Иван Лукьянович предпочитал диктовку, и тогда по клавишам стучала Т. Дубровская. Первый номер "Нашей Страны" вышел в свет 18 сентября 1948 года, через полтора месяца после прибытия Солоневичей в Аргентину. К изданию ее пришлось приступить без копейки денег, как признался сам писатель: "Наша организация оказалась форменным скандалом: люди на поддержку которых мы — по организационной схеме — могли бы рассчитывать, начисто умыли руки... Люди, которые ни в какие организационные схемы не входили, нас кормят, поят и даже снабдили меня шляпой. Они же дали деньги на издание по крайней мере первых номеров".

В них Иван Солоневич подвел итоги "европейского этапа" своей литературно-публицистической деятельности и постарался дать идейно-теоретические ориентиры для монархически мыслящих читателей "Нашей Страны" на послевоенное время, с его капиталистическим и народно-демократическими "лагерьми", возрастающей угрозой атомной войны, экспансионизмом сталинской империи, по мнению писателя, неоправданной беззубостью Соеди-

ненных Штатов. За восемь с лишним лет вынужденного молчания его темперамент публициста не выдохся. Более того, его талант приобрел высшую зрелость, отточность, внутреннюю завершенность, что ставит его в один ряд с выдающимися русскими мыслителями XX столетия. По первым выпускам газеты видно, что у Солоневича пока еще нет авторского актива, большинство материала принадлежит его перу. Но это ему не в тягость, он исстрадался без общения со своим читателем, со своими "штабс-капитанскими" массами, хотя и предчувствует, что за годы войны их ряды значительно поредели. Опытный журналист понимает, что ему предстоит нелегкая задача завоевания душ и сердец "второй волны" русской (подсоветской) эмиграции, хотя он не собирается "играть в поддавки" и отказывается хотя бы от малой части своих выстрадавших убеждений. Он уверен, что идея народной монархии будет воспринята и этими дезориентированными, отторгнутыми "красным континентом" людьми. После мучительных раздумий "германской ссылки" он счел возможным, наконец, представить конструктивную программу для России и Русского Зарубежья. Но и здесь он обозначил пределы своих притязаний:

".... Я никак не лезу в вожди. По двум причинам: я — монархист и признаю одного только "вождя" — Державного. Я не организатор. Требовать с меня организации было бы также безнадежно, как пытаться доить Божью коровку... Но то, что я могу — **имею право** — сказать Русскому Зарубежью — в Русском Зарубежье не может сказать никто иной".

В своей книге "Народная монархия" Солоневич на многих фактах доказывает, что Российская Империя не была тюрьмой народов, что в отношении гражданских свобод она не проигрывала ни одному современному государству, в том числе Соединенным Штатам, а в области материально-технического прогресса "во все лопатки догоняла Америку, и если бы не революция, то к нынешним временам почти догнала бы ее".

Самодержавие было предано теми, кто толпился у трона алчною толпою, и оболгано пропагандистами-революционерами, получившими на это деньги из бездонных хранилищ "мировой закулисы". Столь разрекламированный революционной печатью "репрессивный аппарат" империи оказался беззубым, действовал строго в рамках тогдашнего либерального законодательства.

"Схватка за умы простого человека, "нижних чинов", — была проиграна с самого начала, — считал писатель. — Силы были не равны. Идейная борьба за Веру, Царя и Отечество отступила в казармы, полицейские участки, казенные проповеди церковного ведомства.

Идейная борьба против Веры, против Царя и против Отечества захватила и кафедры, и газеты, и университеты, и сельских учителей, и семинаристов из духовного звания, и артистов из Художественного театра. Честно отступивались: мужик и штабс-капитан. И тот и другой оказались (идейно, — Н. Н.) невооруженными".

В одном из последних прижизненных номеров "Нашей Страны" Солоневич вновь без колебаний подтвердил, что "задачи монархического движения остаются теми же, что и прежде:

1. Ликвидация большевизма;
2. Борьба против расчленения России;
3. Восстановление Российской Монархии:
 - а) борьба с реакцией;
 - б) оформление и закрепление идейной установки".

Под "реакцией" Солоневич понимал практически всю правящую элиту дореволюционной России. Он считал, что восстановление монар-

хии на социально-административной базе старого правящего слоя — физически невозможно: „Бывший русский правящий слой политически совершенно разложился до революции и именно это разложение сделало революцию возможной“.

Своей личной задачей Солоневич считал широкую пропаганду идейных установок „Народной Монархии“ в служилом слое, в который писатель включал мелкое дворянство, разночинцев, выходцев из других слоев народа: купечества, мещанства, крестьянства, духовенства, офицерства, и даже интеллигенцию („для сужения России вовсе не обязательно состоять на государственной службе“). Это — эмигрантский компонент создателей будущей Народной Монархии.

В Советской России, по оценкам Солоневича, монархические идеи обязательно найдут массовый отклик, особенно после десятилетий коммунистического эксперимента, прежде всего в трудовых слоях населения: „Для нас масса — не демон и не плебс. Для нас масса — это наш народ. Мы по старым путям больше не пойдём. Для нас благородство будет в труде, а не в голубой крови. Для нас мужик — не ругательное слово и не существо низшей расы. Это — наш брат“.

... Если перелистать подшивку „Нашей Страны“ „эпохи Солоневича“, то можно убедиться, что подавляющая часть ее материалов посвящена России и российским проблемам. Но иногда возникала и „аргентинская тема“. Иван Солоневич был лоялен к стране, приютившей его, и потому не допускал и тени критики в адрес Аргентины, хустициализма, президента Перона и его иногда спорной внешней и внутренней политики. В самом первом номере газеты была помещена „Ода Аргентине“ на испанском языке, подписанная инициалами: ... Рыцарственная Аргентина сумела сохранить в трудовой борьбе уважение к человеку и, под умелым водительством смогла уклониться от сумасшедшего урагана, который обрушился на современный мир. Аргентина следовала своему собственному пути, благородная, она позволила тысячам и тысячам обездоленных прибыть сюда и возродиться в честном труде, наслаждаясь жизнью, в которой нет места ни страху, ни голоду.

Наша газета обосновалась на дружественной этой земле потому, что знала и понимала: в Аргентине есть место для проповеди истины и пробуждения вечно благородных христианских чувств.

Да здравствует Аргентина!

Это были времена правления Хуана и Эвиты Перон, торжества хустициализма и возрастающего вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела страны. Перон пытался нащупать особый „аргентинский путь развития“, равноудаленный как от социализма, так и от капитализма и окрещенный позднее „третьим путем“. Вашингтон считал этот путь „тоталитарным“ и исподволь поэтапно старался дестабилизировать режим харизматической супружеской пары. Нет, в конце 40-х начале 50-х годов не все было так мирно и „ладно“, как изображалось в „Оде“. И, разумеется, Иван Солоневич и его окружение не могли не ощущать приближение социально-политического кризиса. Они выступают за стабильность, их страшит угроза „классовой борьбы“ в Аргентине, которую всячески раздували левые партии. С коммунизмом у Солоневича старые счеты, и потому он обличает деятельность Славянского Союза в Южной Америке, полагая, что это — филиал ОГПУ-НКВД, возглавляемый агентами Москвы и симпатизирующий левякам. „Наша Страна“ приветствовала запрещение деятельности Славянского Союза в 1949 году, считая, что он компрометировал другие

славянские организации на континенте.

Тем не менее, спокойная аргентинская пора в жизни Солоневича внезапно прервалась. С небольшим чемоданом он поднялся на борт пароходика, курсирующего между Буэнос-Айресом и Монтевидео. В грязно-желтых водах Ла-Платы прощально плясали портовые огни, а он пытался понять, как же это произошло? Кто виноват?

В предисловии к роману Солоневича „Две силы“ об этом эпизоде упоминается кратко и смутно: „По доносу „друзей“ Ивана выслали в Уругвай...“ Высылка русского писателя и журналиста, известного своими охранительными монархическими взглядами, с жаром обсуждалась в эмигрантских кругах. Журналист Н. Казанцев, биограф И. Солоневича, в одной из своих статей, появившихся в „Нашей Стране“, пишет:

... В те дни в русском Буэнос-Айресе находились в обращении такие варианты: 1. Слава Богу, что выслали — советский агент!.. 2. Выслали по настоянию советского посольства и потому де, что это лишь уступка настоянию советчиков — не закрыта газета и Солоневич продолжает в ней писать. 3. Правительством Перона были опрошены представители некоторых русских организаций и на основании их разговоров о „вредности“ деятельности Солоневича было принято решение его выслать. 4. Солоневич вообще никуда не уезжал, а все это разыграно, чтобы он мог работать спокойно. 5. Солоневич уехал в США, но чтобы это скрыть, была придумана высылка. Вообще, в саму высылку люди верили с трудом, не допуская мысли о доносах“.

Однако, так оно и было.

В аргентинскую политическую полицию „синхронизированно“, по словам Солоневича, были направлены многочисленные доносы его недругами-деятелями эмиграции разных идеологических оттенков, от анархо-меньшевиков до монархистов-реакционеров. Чаще всего в них звучало обвинение в „антиперонизме“. Реакция властей была предельно жесткой: Солоневича без долгих разбирательств выслали из Аргентины.

Иван Лукьянович не скрывал, что его потрясло все случившееся. Наверное, он не раз, бродя по зябкому „зимнему“ Монтевидео, вспоминал свои слова, написанные по подобному же случаю в 1939 году:

„Сколько блестящих актерских одежд и бутафорских декораций упало бы перед глазами нашей совести, если бы мы захотели быть искренними сами с собой.“

Мне очень стыдно и больно прежде всего за свою собственную слабость и за свои собственные ошибки.

Но мне стыдно и за очень многих так называемых „представителей национальной общественности и нашей национальной прессы“.

Мне стыдно за наши бесконечные споры, сплетни, взаимную клевету, помой, ссоры и дряжь. Стыдно за нашу никчемность, мелочность и злобность, за нашу неспособность к подвигу и к настоящему жертвенному служению.

Стыдно прежде всего — перед Россией“.

Последние месяцы своей жизни Иван Солоневич провел в уругвайском селении Сориано, уединенном, вражущем расшатанным нервы, располагающем к литературной работе. Он спокоен за газету, она — в надежных руках В. Левашева (Дубровского). Правда, Солоневичу не всегда по душе общая тональность издания, отсутствие боевитости, огонька. „Номер 55-й убийственно благонамеренный, — писал он в Буэнос-Айрес. — Моя линия, как оказалось, вызывает риск для газеты. Твоя линия с абсолютной неизбежностью гарантирует ее медленное умирание. Ты слишком остро-

жен. Если нельзя писать о РОВСе, демократиях, социалистах (Чоловский ведь тоже бегал с доносами), солидаристах, сепаратистах, дворянах, Чухнове, то это означает, что нельзя толком писать ни о чем стоящем... Нужно рисковать и дальше, обдумав этот риск, принимая во внимание опыт. Газета всегда держалась яркостью и смелостью. Если она попадет в благонамеренный разряд, ее читать не будут. Кроме того, получается впечатление, что „им“ все-таки удалось зажать мне рот — это губит весь „престиж“: напугали, наконец... Во всяком случае: даже если газету окончательно прихлопнут — у нас еще останется возможность что-то предпринимать. Если газета погибнет от умеренности и аккуратности — дело пропало окончательно: это будет означать, что человек испугался, струсил и что ничего больше тут ждать нельзя“.

Бойцовский темперамент Ивана Солоневича подорвала болезнь, которая подкрадывалась к нему исподволь, потихоньку, не вызывая особого беспокойства. И вдруг — обвал: невыносимые боли в желудке, необходимость срочной операции.

Он был спокоен, не догадываясь, что у него рак желудка, запущенный и фактически „неоперабельный“. Два высококлассных хирурга сделали все, что было возможно. По свидетельству газеты „Наша Страна“, после операции Солоневич пришел в сознание и чувствовал себя как будто хорошо, во всяком случае разговаривал. Через час ему сделали переливание крови. Однако сердце писателя не выдержало...

Хирурги знали правду еще до операции, но Солоневичу ничего не сказали и, наверное, были правы. „По крайней мере, его последние дни, — писала в этой связи газета, — не были омрачены сознанием, что смерть почти неизбежна при любом исходе...“

Участок земли для могилы вдова писателя приобрела на 99 лет в надежде, что когда-нибудь прах Ивана Лукьяновича Солоневича „дяди Вани“, как его звали друзья, удастся перевезти в Россию. Удастся ли?

И это пока все о Солоневиче. Многого осталось, как говорится, „за кадром“. Канонической его биографии пока нет, и сведения о нем рассеяны по сотням публикаций, архивам — государственным и личным и, конечно, по его собственным литературным трудам.

Нередко думается, а что сказал бы Солоневич сегодня, как напутствовал бы нас, стоя в дверях своей редакции где-нибудь в Софии или Буэнос-Айресе? Может, так:

„После СССР нам будут предлагать очень многое. И все будут врать в свою лавочку. Будет много кандидатов: в министры и вожди, в партийные лидеры и военные диктаторы. Будут ставленники банков и ставленники трестов — не наших. Будут ставленники одних иностранцев и ставленники других. И все будет говорить прежде всего о свободах: самая многообещающая и самая ни к чему не обязывающая тема для вранья...“

Появятся, конечно, и новые пророки — изобретатели какого-нибудь нового земного рая — то ли в одной нашей стране, то ли во всей поднебесной...

В общем — будет всякое. И на всякого „мудреца“ найдется довольно простаков — с этим ничего не поделаешь: бараны имеются во всех странах мира — от самых тоталитарных до самых демократических. Их, как известно, не сеют и не жнут. Постарайтесь не попасть в их число. Это — не так просто, как кажется...“ *)

Монтевидео-Буэнос-Айрес
сентябрь 1996 г.

НИЛ НИКАНДРОВ

*) Цит. по газете „Наша Страна“ № 2197, 12-9-92

Владимир Рудинский

ОТВЕТ РЕНЕГАТУ

Бесповоротно перейдя в стан (национал-) большевиков, М. Назаров неустанно строчит грязные памфлеты против восстановления монархии в России. И, что самое отвратительное, прикрываясь ложными фразами о монархизме и о православии. Перлы его пера, — поистине жемчужины из навозной кучи! — уснащают страницы органов как „Завтра“, „Русский Вестник“, „Независимая Газета“ и даже „Литературная Россия“ (сия последняя, когда-то довольно приличная газета, скатилась теперь до последних глубин политической помойки).

Стоит ли отпечатывать перебежчику? Хотя он мне специально свои сочинения присылает с просьбой на них отозваться...

Хорошо, отзовусь.

Напомню г-ну Назарову, что коммунизм в целом, и большевизм в частности, абсолютно непримирим ни с какой религией; и уж конечно никак с православием!

Основатель советского строя и высший авторитет для ВКП(б) (да и для всех последователей, полагаем, данной партии?) буквально корчился от злости при упоминании о загробной жизни, о бессмертии души и о существовании чего-то иного, кроме чисто материального мира.

Кто же не помнит его яростных диатриб против какого бы то ни было „заигрывания с Боженькой“, против „поповщины“ в любой форме и т. д., и т. п.? Как он, так и его продолжатели, старательно истребляли и храмы, и духовенство, и весьма жестоко преследовали верующих; не только христиан, и любых христиан, — но уж православных-то в первую очередь!

И если делали порою псевдосочувственные гримасы по адресу сих последних, — то по вполне конъюнктурным соображениям, как, скажем, во время войны (чувствуя, что за марксизм русские солдаты воевать не захотят).

Глубоко вкорененная атеистическая идеология взяла однако вновь верх, не при одном Сталине, а и при Хрущеве, и далее.

Так какое же право, господин товарищ Назаров, Вы имеете говорить от имени православия? Да и какого? Вы что-то даже на подсоветских иерархов или хотя бы священников не ссылаетесь, да и никого из них не цитируете (хотя, наверно, примеры можно и подыскать, среди тех пластов благоглупости, какие ныне в „бывшем СССР“ печатаются и провозглашаются с кафедр urbi et orbi).

Нет, не морочьте нам голову! Поскольку Вы ратоборствуете в лагере большевиков, Вы обязаны и разделять их взгляды на самые основные мировоззренческие проблемы. А они, по своей нерушимой природе, — безбожники и богоборцы.

Ладно, православным Вы себя не имеете права называть; но может быть монархистом все-таки да (хотя трудно быть русским монархистом, находясь в контрах с православием...)?

Но ведь Ваши единомышленники ниспровергли в нашем отечестве монархию, убили царя и всю его семью, казнили всех, кого только могли, в чьих жилах текла императорская кровь?

Да, пожалуй, и не в этом только дело. А в том, что идеологически для коммунизма никакая и нигде монархия неприемлема, есть абсурд, нелепица, нечто недопустимое!

Опять же, оно и закономерно: ибо именно эта форма правления есть с коммунизмом самая несовместимая, ему противоположная, — и именно оттого является наиболее для него опасной в роли соперника.

Вот и подумайте над этими вопросами, господин Назаров. На другие Ваши высказывания, представляющие собою гнусную и преступную клевету, я пока отпечатать не стану.

Но и это за мной не пропадет.

Владимир Рудинский

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

ПРЕДТЕЧА ЗЮГАНОВА

В нынешнее тяжелое время, когда демократы, обманув русский народ, грабят Россию, месяцами не платят рабочим и служащим, продают за бесценок богатства страны — у коммунистов появилось немало поклонников. Это зюгановские дедушки и анпиловские бабушки, с красными тряпками, с портретами Ленина и Сталина шествующие по улицам российских городов, требуя возврата к «светлому коммунизму» и к учению основоположников «великого октября». Значит и возврата, скажем, к идеализации Свердлова.

Что касается этого царевубийцы, отнюдь не русофильская газета «Аргументы и Факты», не так давно ознакомила своих читателей со следующими фактами:

— После смерти Я. М. Свердлова в 1919 году сейф, находившийся в его кабинете, вскрыть не удалось, так как были потеряны ключи. В конце концов к этому «несгораемому шкафу» потеряли интерес и отправили на инвентарный склад коменданта московского Кремля. Там он и простоял до 26 июля 1935 года. Сейф, наконец, вскрыли и, в соответствии с установленным порядком, составили акт о его содержимом. Что же хранилось у пламенного борца с буржуазией, председателя ВЦИК, секретаря ЦК ВКП(б)? А вот что:

— золотые монеты царской чеканки на сумму 108.525 рублей (в ценах 1935 года);

— золотые изделия, многие из которых с драгоценными камнями — 705 предметов!

— семь чистых бланков паспортов и столько же заполненных на имя родственников Свердлова, а также княгини Барятинской и ряда других знатных персон...

Как видим, действовал Свердлов по-ленински: «грабь награбленное!» и успел награбить немало — всего за полтора года! Вот профиль идейного предшественника товарища Зюганова.

Свердлов родился в 1885 году в Нижнем Новгороде. Отец Моисей Свердлов — ремесленник-гравер, владелец типографской и печатной мастерской. Будущий глава советского государства, в отличие от других сапожников и детей сапожников, закончил аж целых пять классов гимназии и по тогдашней традиции его соплеменников начал работать учеником в аптеке. Тогда же вступил в социал-демократическую партию, стал вести революционную пропаганду среди рабочих. Вскоре арестован за участие в демонстрации против высылки Максима Горького из Нижнего Новгорода, но скоро выпущен. Затем его снова неоднократно арестовывали и скоро выпускали.

При расколе партии сразу же примкнул к большевикам, став ярым ленинцем. Партийный был направлен в Екатеринбург возглавлять революционную деятельность, был снова арестован и выслан в Нарымский край, откуда бежал. В 1912 году был введен в ЦК, став одним из руководителей большевиков. После февральской революции 1917 года был направлен в Екатеринбург, где руково-

дил Уральской областной партийной организацией. Был избран секретарем ЦК и делегирован во Всероссийский Центральный Исполнительный комитет (ВЦИК), впоследствии став его председателем. Свердлов неуклонно проводил в жизнь политику Ленина, участвовал в подготовке 1-го съезда коммунистического интернационала.

При особо непопулярных решениях Ленин предпочитал, чтобы декреты подписывал не он, а Свердлов, как например решение о расстреле Царской Семьи 17 июля 1918 года.

Кончил Свердлов плохо. Ходили слухи, что во время выступления на Путиловском заводе, один рабочий ударил его гирей по голове, но официально сообщалось, что он скоропостижно скончался в 1919 году от гриппа-испанки. Похоронен у Кремлевской стены.

Иногда появляются данные, что мол, настоящая его фамилия Розенфельд, но это не так — он действительно Свердлов. У Якова Моисеевича были еще сестры Софья (ее дочь стала женой оберпалача Ягоды) и Сара, братья Вениамин и Ешуа-Золомон. Интересна биография последнего.

Ешуа-Золомон, на год старше Якова, шел тоже по революционной дорожке знаменитого брата. В 1901 году арестован вместе с Максимом Горьким. После скорого выхода из тюрьмы, принял православие — его крестным отцом стал Горький, дав ему имя Зиновий Алексеевич Пешков. Но эта перемена фамилии не была утверждена властями. В 1904 году Ешуа эмигрировал, жил в Канаде, США, затем на итальянском острове Капри у Горького. В 1913-1914 годах был секретарем писателя А. Амфитеатрова. С начала Первой мировой войны приемный сын Горького вступил во французский Иностранский Легион, в 1915 году потерял в бою правую руку по плечо. Получил французское гражданство, произведен в офицеры и как переводчик пропагандистской французской миссии был направлен в США (1916-1917 годах). Потом находился на военно-дипломатической работе в России, Китае, Японии, Маньчжурии, Грузии...

Интересно, что пока брат Яков восседал в Кремле и собирал золотые ценности и монеты, Ешуа-Золомон был военным представителем Франции при правительстве адмирала Колчака в Сибири, а затем подвизался в Крыму во время эвакуации Русской Армии генерала Врангеля.

Ешуа-Золомон или же по-горьковски Зиновий Алексеевич, служил долгие годы во французском министерстве иностранных дел на высоких должностях. Во время Второй мировой войны был в Лондоне, получил звание бригадного генерала, потом был послом в Японии при генерале Мак-Артуре. В 1964 году был послом на Тайване у генералиссимуса Чан Кэй Шека. Имел массу наград, в том числе Большой крест Почетного Легиона. Умер в 1966 году во Франции.

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

НАШ ДЕВИЗ

Жар кровавой звезды пеплом стал и золой,
Но курится отравленный дым.

Ведь партийное рабство — не всегда со звездой,

Оно будет со знаком любым.
Воевали — не зря. Пропадали — не зря:
Скоро, скоро звезда догорит...

Большевизм уже пал. „Боже, дай нам Царя!“

— Это Наша Страна говорит.

Москва

АНТОН ВАСИЛЬЕВ

БИБЛИОГРАФИЯ

W. Clarke "The Lost Fortune of the Tsars" (New York, 1996).

Автор проделал гигантскую работу с целью выяснить досконально вопрос, ответ на который в сущности нам-то был заранее известен: остались ли за границей какие-либо капиталы, принадлежавшие лично Царю Николаю Второму или членам его семьи?

И куда же делось огромное состояние, коим они владели?

Заодно он занимается детально проблемой о нахождении их останков и, с другой стороны, обо всех лжепретендентах, пытавшихся присвоить себе их имена; констатируя, что теперь фальшивость их утверждений окончательно доказана.

Кларк навел, в пределах возможного, справки в банках Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии и Соединенных Штатов, и всюду должен был прийти к выводу, что последний Император перевел все деньги свои и своей семье, лежавшие за границей, в Россию, для употребления на нужды войны. Осталось то, что было в Германии, откуда их взять было нельзя после разрыва дипломатических отношений. Но эти средства потеряли, в основном, свою ценность в виду девальвации германской марки. Они были выданы немецким правительством в 1933 году Великой Княгине Ксении Александровне и ее ближайшим родственникам, но уже не играли существенной роли.

То, что реально имелось в зарубежных банках представляло собою не личные капиталы Царя или его семейства, а государственные, связанные с военными делами.

Вокруг этих последних денег велись потом споры, и они попали, в конечном счете, в руки Советов или представителей за границей Временного Правительства.

Правильно ли сделал Государь, забрав все деньги из-за границы, — вопреки советам министра финансов П. Барка, — не станем обсуждать. Многое получилось бы иначе, окажись они в распоряжении членов Династии Романовых за рубежом...

А что стало с имуществом Царя в России? Понятное дело, оно было разграблено большевиками. Кларк дает много любопытных подробностей данного грабежа.

В целом, будем ему признательны за обстоятельные сведения о проблеме, являвшейся долгие годы спорной.

В. Бетаки. „Итог романтизма“ (Париж, 1996).

Новый сборник стихов известного и талантливого поэта Васи-

лия Бетаки можно бы назвать „Путешествие“.

Мы с ним отправляемся из Парижа („Бульвар Сен Мишель в желтых тонах“), где пробегают:

...веселые желтые фары
По стеклам кафе, в их верандах
торчащих,
Играя на меди торшеров
старинных
Прекрасной эпохи (почти
настоящих)
и двигаемся к океану:

Тут вливается Сена
в очень мелкое море.
Деревянная церковь
в рыбацком Онфлэре.

И — вот уже, казалось бы, конец:

Мы дошли до края света.
И гранитная часовня
(Это низкая часовня) —
Над уклоном к морю.

Однако меланхолический пейзаж Бретани сменяется у автора другими, более светлыми:

На веселой Коста Бланке
Не был я двенадцать лет...

Барселона — барс зеленый
Тень от пальмы полосата,
Сзади — горы, для того чтоб
Останавливать закаты.

Много места отведено Италии; Флоренции:

В пыльный полдень гляди с
Понте Веккьо
Как ползут желтоватые воды

и Венеции:

Мост над болотами перед
рассветом.

Цепочка фонарей
И нет ей конца

Но муза стихотворца влечет нас
куда дальше:

На развалинах Вавилона
Бородатые львы остались.
За спиной льва — не колонна —
Указующий в небо палец...

Жаль, что многие стихотворения окрашены тонами пессимизма и безнадежности:

Вызывает безумную жалость
То, что жизнью когда-то
считалось:

Парапеты, огни, мостовая,
В переулках поспешность
объятий.

Эти ржавые скрипы трамвая
И кресты кораблей на закате.

Такие интонации прежде не были свойственны поэзии Бетаки. Хочется надеяться, что эту грустную окраску она приняла лишь на время!

Владимир Рудинский

ВНИМАНИЕ

Напоминаем о перемене адреса нашей представительницы в США и Канаде Натальи Николаевны Ткачевой:
Mrs. N. N. Tkachov — 1450, 20-th Ave., San Francisco CA, 94122.
Номер телефона не переменялся, он по прежнему — (415) 665-5234. Подписную плату (из США и Канады) просим посылать исключительно ей по вышеуказанному адресу.

НОВЫЙ АДРЕС

Новый адрес для подписчиков посылающих чеки в нью-йоркский Ситибанк.

Citibank N. A. — 6105 Jericho Turnpike, Commack NY, 11725, USA.
Miguel Kireeff, Account # 78516453.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

АЛАПАЕВСКИЕ МУЧЕНИКИ

Нам пишут из Москвы:

С ссылкой на исследование совершенное Московской Патриархией, газета „Московский Комсомолец“ сообщила о судьбе останков ближайших родственников Царя Николая Второго, Алапаевских Мучеников зверски убиенных в 1918 году. „Когда белогвардейцы вошли в город, им удалось вытащить тела замученных. Верные Императорскому Дому, офицеры забрали тела с собой, надеясь похоронить царских особ с почитающими почестями. Два года отступающие на восток белогвардейцы возили за собой гробы с останками. Наконец, в 20-м году перевезли их в Харбин. Останки предали земле на русском кладбище за Андимэнскими воротами Пекина, а в 1938 году ввиду реальной опасности осквернения могил оккупировавшими Китай японцами, их перезахоронили на территории Русской Духовной Миссии в Пекине“.

Однако после захвата власти коммунистами, в 1956 году Миссию передали советскому посольству: все православные храмы были разрушены или закрыты, а могилы исчезли. Кроме Алапаевских Мучеников, здесь покоился глава русской белой эмиграции в Китае генерал Хорват и мощи 222 православных мучеников — китайцев.

Теперь Московская Патриархия установила, что в 1956 году останки 222 православных китайцев, казненных за отказ отречься от Христа, были „перезахоронены“ на русском кладбище под Пекином. Поскольку они и Алапаевские Мученики лежали вместе, скорее всего и на русском кладбище их похоронили рядом. Однако, когда в Китае началась „культурная революция“, кладбище сравняли с землей и на его месте разбили „Парк Озера Молодежи Циннянь ху“. Следы православного кладбища сохранились в том месте еще лет 30. Последняя часовня была разрушена только после 1986 года.

Представитель Патриархии занимавшийся поисками поведал, что еще несколько валяющихся прямо под ногами надгробий можно найти неподалеку от площадки для игры в гольф. Он однако не уверен, что останки Алапаевских Мучеников были уничтожены: „китайцы традиционно очень бережно относились к чужим могилам. Насколько мне известно, актов вандализма при перепланировке не было. Чаще всего старые могилы просто закапывали на большей глубине, не потревожив останков“.

ПРИНЦ АЛЕКСАНДР

Нам пишут из Нью Йорка:

„Новое Русское Слово“ написало, что „чем беднее и неустроеннее европейская страна, тем больше в ней разговоров о восстановлении монархии. Особенно это очевидно на Балканах, где многие

надеются, что появление короля на троне успокоит политические страсти, умерит национализм и конфликты“.

Газета утверждает, что это не просто разговоры, так как события последних месяцев дают достаточно поводов для того, чтобы увидеть закономерность, и приводит, как пример, положение в Югославии:

„Претендент на сербский престол, бывший офицер британских бронетанковых войск Адександр, живет в Лондоне и успешно занимается бизнесом. Однако это не помешало ему провести активные консультации с сербской оппозицией. Некоторые из ее лидеров готовы согласиться с идеей восстановления в Сербии монархии. По их сценарию, Александр мог бы сыграть решающую роль в сплочении избирателей, недовольных нынешним режимом. Эти оппозиционеры мечтают, что, оказавшись на престоле, принц Александр смог бы обеспечить мирный переход от власти коммунистов к правовому строю“.

ЦЕНТР ПО ОТМЫВАНИЮ

Нам пишут из Иерусалима:

С ссылкой на источники полиции, израильские газеты сообщили, что их страна превратилась во всемирный центр по отмыванию грязных денег. Организованная преступность пользуется либеральной денежной политикой страны. Мафиозы переводят сюда колоссальные суммы, чтобы потом обналичить их по банковским счетам.

По оценке депутата Кнессета Ави Ехезкеля, в год на банковских счетах страны оседает от 4 до 5 миллиардов грязных денег.

ЛАТЫШСКИЕ РУСОФОБЫ

Нам пишут из Вашингтона:

Газета „Вашингтон Пост“ опубликовала в виде объявления воззвание известного латышского русофоба Айварса Слущиса, врача из штата Миннесота, в котором утверждает, что де „трудно найти в мире более злополучный, грубый, жестокий, мошеннический и варварский народ, чем русский“.

До этого, Слущис выступил в „Нью Йорк Таймсе“ с призывом выдворить всех русских из Латвии и Эстонии и написал: „Свыше 400 лет русские жили под девизом: зачем потеть, работать и строить, если можешь убить своего соседа и взять, что он уже построил? И латыши были в числе этих соседей“.

Еще в одной статье этот последователь Альфреда Розенберга объяснил почему он не возвращается на постоянное жительство в Латвию: „Я не могу терпеть русских в Латвии, где их так много; что они угрожают существованию Латвии. Я никогда бы не мог в Латвии лечить русских так, как я

лечу латышей“.

Другой латышский шовинист, проживающий в Стокгольме журналист Юрис Кажа написал в издающемся в Риге на английском языке еженедельнике „Бальтик Обсервер“, что „Эстония и Латвия имеют своим восточным соседом неисправимое геноцидо-варварское общество. Россия есть дикое, технологически развитое разбойничье племя с почти патологическим иммунитетом против демократии или иной формы просвещения“.

В своем выступлении в газете „Вашингтон Пост“ Слущис утверждает, что „сознавая чудовищность совершенного им зла русские старались свалить вину на нерусских: „грузина Сталина, еврея Берия и поляка Дзержинского“. Он однако обошел молчанием латышских стрелков и чекистов, тогда как именно они оказались наивернейшей организованной опорой большевицкой диктатуры.

Латышский профессор истории одного из американских университетов, А. Эзергайлс в своей изданной в 1982 году книге „Латвийский фактор в русской революции“ сообщает, что Ленин презирал русских, им не доверял и отдавал предпочтение латышам: после своего возвращения в Петроград в 1917 году усвоил привычку окружать себя латышскими прислужниками, начиная с шоферов и охранников и кончая поварами. Эту привычку Ленин сохранил до своей смерти: в его последней резиденции в Горках шофер у него был латыш и латыши составляли большинство охранного отряда чекистов. Причем А. И. Солженицын отмечает, что в 20-е годы все тюремщики были латыши из частей Красной Армии, а еду приносили рослые латышки.

Тем не менее, в конце своей статьи Слущис заявляет, что „массовые убийства и истребление наций — дело русское, а не советское“.

ЦАРЕУБИЙЦА ЕРМАКОВ

Нам пишут из Киева:

Газета „Труд“ опубликовала отрывки из рукописи Петра Ермакова, одного из большевиков участвовавших в убийстве Царской Семьи. Участник бунта 1905 года, 13 лет спустя комиссар Ермаков возглавлял карательный отряд на Урале, затем служил в ЧОН, до своей смерти в 1952 году был на партийной работе.

Ермаков говорит, что на его долю „выпало счастье — расстрелять Царя“ и рассказывает, что убийцы шутили, когда передавали Юровскому найденные на трупах личные вещи Царской Семьи.

Цареубийца признается, что Император Николай Второй принимал свое испытание с большим самообладанием, а Великие Княж-

ны даже относились ласково к своим тюремщикам.

ЕВРЕИ И УКРАИНА

Нам пишут из Нью Йорка:

Под заголовком „Нашествие еврейского капитала на Украину“ газета „Новое Русское Слово“ опубликовала статью Михаила Эдича, написавшего, что отток евреев из бывшего СССР полуиссяк и „в последнее время к энтузиастам, заложившим основы общинной жизни на зарубежные средства примкнули заметные отечественные бизнесмены: Гусинский, Фельдман, Малкин, Хаит, Леваев, Рабинович... В Москве даже создан Российский Еврейский Конгресс с годовым бюджетом в 2,5 миллионов долларов. Кажется, что „гешефт и судьба“, но уже в позитивном плане, и впрямь переплелись на ниве постсоветского еврейства“.

Затем Эдич проинтервьюировал еврейского руководителя Украины, Иосифа Зисельса, который сообщил, что в нынешней Малороссии „действуют более 200 еврейских организаций и общин, есть 30 синагог, 15 дневных еврейских школ и около 70 воскресных, 11 детских садов, 8 ешив и около 70 ульпанов, в которых 300 преподавателей обучают около 20 тысяч детей и взрослых, открыты педучилище, педколледж и университет. Еврейская национальная жизнь развивается на Украине такими темпами, которых нет ни в одной восточно-европейской стране“.

По словам Засельского, Украина „находится в положении неустойчивого равновесия: устремлена мыслями на Запад, но груз прошлого и ряд политиков тянут ее на Восток. А Восток, то есть Россия, обречена на противостояние Западу в той или иной форме. Дальновидные политики на Западе отдают себе отчет о том, что нельзя толкать Украину в объятия Востока“.

Высказавшись за независимость Украины и за ее „вписание в западную цивилизацию“, Зисельс отметил, что „евреи Америки очень много дают сегодня денег Украине. Американское еврейство поняло нас правильно, оно помогает странам Восточной Европы добиться справедливости — реституции еврейской общинной собственности“.

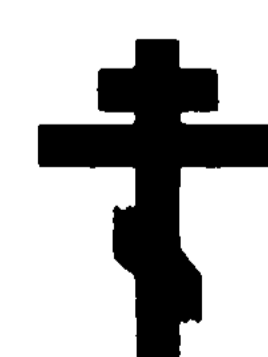
БЕСТАКТНОСТЬ

Нам пишут из Иерусалима:

Директор израильского мемориального комплекса „Яд Вашем“ Авнер Шалев заявил, что поступок израильских офицеров, которые по пути в Освейцимский мемориал играли в автобусе в карты, а после посещения мемориала, проводили время в казино, „всех возмутил“.

Группа из 60 офицеров израильской армии, курсанты Военной академии, совершали поездку в Польшу, с целью посещения мест гибели европейских евреев. Бригадный генерал Иосси Равех, директор академии, пославший их в эту поездку признал, что „такта нашим курсантам явно не хватило“.

В среду 15-го октября с. г. в 12 часов дня, в 13-ю годовщину смерти моего незабвенного мужа

АНАТОЛИЯ РОМАНОВИЧА ЯТЦЕНА

в Кафедральном Соборе Воскресения Христова (ул. Нуньес 3541, Буэнос Айрес) будет отслужена панихида.
О чем сообщает вдова покойного.